

„САМАЯ ТРУДНАЯ РОЛЬ В МИРЕ...“

ПРИСТУПАЯ к постановке пьесы «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, нам надо прежде всего установить, что она представляет собой — и по существу, и как сценический жанр. Это — большое лирико-драматургическое полотно, посвященное рождению Красной Армии; это борьба между жизнью и смертью, между хаосом и гармонией, между отрицанием и утверждением.

Поэтому вся эмоциональная, пластическая и ритмическая линии постановки должны быть построены по своеобразной кривой, ведущей от отрицания к утверждению, от смерти к жизни, от хаоса к гармонии. Эта сценическая линия спектакля всеми своими корнями вырастает из социальной основы пьесы, сущность которой — процесс кристаллизации нового классового сознания.

Это произведение лирическое, поскольку автор использует не только драматургический прием, то есть не только воплощает свои идеи при помощи тех или иных сценических образов и возникающих между ними конфликтов, но и воплощает эти конфликты и сценические образы личными лирическими мотивами. В то же самое время это лирико-драматургическое произведение имеет все права на свое название — «Оптимистическая трагедия».

В ней нет покоя, нет обычного состояния человеческих поведений, здесь бушуют и плаваются страсти людей и масс, брошенных в водоворот, порожденный социальным сдвигом Великого Октября.

Здесь совершается трагическое шествие отряда, в дальнейшем матросского полка, к смерти. Здесь совершается смерть этого полка, смерть героическая, смерть трагическая.

«Литературная газета» впервые публикует сегодня фрагменты из выступления А. Я. Таирова перед труппой Камерного театра в начале декабря 1932 года. Передавая нам рукопись, замечательная исполнительница роли Комиссара, народная артистка РСФСР А. Коонен вспоминала: «Начались репетиции «Оптимистической трагедии». Весь коллектив театра во главе с Таировым был захвачен этим выдающимся произведением. Александр Яковлевич вместе с Вишневским недавно вернулся из учебного похода кораблей Балтийского флота, вернулся полный впечатлений и новых постановочных замыслов. Сегодня, спустя почти тридцать пять лет, его сценический анализ «Оптимистической трагедии» по-прежнему остается современным для нас».

Но это трагедия оптимистическая потому, что смерть не является завершением всего круга явлений. Явления и события устремляются по спирали ввысь, до своей предельной точки, опрокидывающей смерть и утверждающей жизнь, ее силу, ее обновляющее и организующее начало. В этом — оптимизм трагедии, трагедии оптимистической.

...Необычайно важно, помимо общих установок и ведущих линий спектакля, установить еще и другое: постараться вскрыть ту среду, в которой происходит действие, которую мы будем воплощать, и соответственно с этим вскрыть и внутреннюю мотивизацию поведения каждого отдельного лица, действующего в пьесе.

Кто такие вообще матросы? Это, выражаясь словами присяги, клятвы, сыны трудового народа, это трудовой народ, это крестьяне, рабочие, которые служат на кораблях, соответственно прошли определенную учебу, определенную дисциплину, определенные моря и походы, которые побывали в чужеземных краях, видели мир, расширили свой человеческий горизонт, которые вольнее, чем каждый другой человек, потому они воспитываются в борьбе с вольной стихией, знают, что такое неукротимая сила стихии, которые знают, что эту неукротимую силу стихии надо усилить коллективной человеческой воли побеждать. Это те матросы, которые привыкли действовать коллективно, у которых, на-

ряду с воинской дисциплиной, благодаря специфике их работы образуется еще иная внутренняя дисциплина, создающаяся во время походов, дисциплина взаимного поручительства перед лицом всех опасностей похода и всех бурь в прямом и переносном смысле.

Не случайно, что матросы почти всюду, и в том числе и у нас, всегда являлись наиболее легко воспламеняющимся революционным материалом. Вспомните «Потемкина», вспомните «Аврору».

...И, наконец, Комиссар. Конечно, нужно сказать прямо, что это не только самая трудная роль в пьесе, но, поскольку я знаю драматургический материал, это самая трудная роль в мире. Трудность заключается главным образом в том, что в лице этого комиссара персонифицируется вся партия. В этом лице персонифицирована вся энергия нового, все его социальное чутье, все его умение разбираться во всех сложных ситуациях совершающейся жизни и борьбы, вся его ведущая роль, все его организующее начало, все его умение превратить центробежную силу в центростремительную, привести хаос в новую гармонию. Я бы сказал, что это образ на девять десятых образ пантомимический, ибо главное должно заключаться не в том, что она говорит, а в том, что она видит, в том, как она оценивает происходящее, в том, какие внутренние процессы в ней совершаются. Это, конечно, необычайно трудно.